

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ	5
ВВЕДЕНИЕ	33
ФИЗИОЛОГИЯ И ПАТОЛОГИЯ	45
СРАВНИТЕЛЬНАЯ АНАТОМИЯ	83
ФИЗИОЛОГИЯ РАСТЕНИЙ	122
ФИЗИЧЕСКАЯ АСТРОНОМИЯ	153
ЯЗЫКОВЕДЕНИЕ	176
ЖИВОТНЫЙ МАГНЕТИЗМ И МАГИЯ	182
СИНОЛОГИЯ	227
ССЫЛКА НА ЭТИКУ	244
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	252

Τοιαῦτ' ἔμοῦ λόγοισιν ἐξηγουμένου,
Οὐκ ἤξιωσαν οὐδὲ προσβλέψαι τὸ πᾶν·
Ἄλλ' ἐκδιδάσκει πάνθ' ὁ γηράσκων χρόνος*.

Αεσχυλὺς

* Цитаты из трагедии Эсхила «Прометей прикованный», пер. С. Апта:

«Но тщетно убеждал я и доказывал,
Меня тогда и слушать не хотел никто».

«...Что ж, время, старясь, может научить всему».

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Я дожил до радостной возможности по истечении 19 лет приложить исправляющую руку и к этому небольшому произведению; и радость моя была тем более велика, что последнее особенно важно для моей философии, ибо, отправляясь от чисто эмпирических данных, именно от замечаний беспристрастных естествоиспытателей, руководящихся нитью своих специальных наук, я непосредственно дохожу в нем до самого ядра моей метафизики, указываю точки соприкосновения ее с естественными науками и предлагаю таким образом как бы арифметическую поверку моего основного положения, которое через это, во-первых, получает более точное и специальное обоснование, а во-вторых, становится в высшей степени доступно, понятно и отчетливо.

Поправки, введенные мною в это новое издание, состоят почти исключительно из добавлений: из первого издания я не только не выпустил чего-либо достойного внимания, но еще и сделал в нем многочисленные и отчасти важные вставки.

Да и вообще это — хороший признак, что книжный рынок потребовал нового издания настоящей книги; ведь это доказывает существование интереса к серьезной философии вообще и свидетельствует о том, что потребность в действительном прогрессе ее становится в настоящее время более настоятельной, чем когда бы то ни было. Обусловливается же указанная потребность двумя обстоятельствами. Это, во-первых, беспримерно ретивое занятие всеми отраслями естественных наук, которое, будучи руководимо почти исключительно людьми, ничему, кроме своего дела, не учившимися, угрожает привести к грубому и плоскому материализму, где *прежде всего* возмутительно не нравственное скотство конечных выводов, а невероятная бессмыслица основных принципов, так как эти господа руководители отрицают даже самую жизненную силу и прижимают органическую природу на степень случайной игры химических сил¹. Подобным рыцарям тигеля и реторты не мешало бы внушить, что одна голая химия дает право на звание разве только аптекаря, а никак не философа; равным образом следовало бы внушить и другим, сродным с ними по духу естествоиспытателям, что можно быть совершеннейшим зоологом и уметь нацепить на одну бечевку все шестьдесят видов обезьян и все-таки, если ты не сведущ во всем остальном, кроме разве одного катехизиса, оставаться в общем невеждою и человеком толпы. В наше время это и встречается сплошь да рядом. В просветители мира навязываются люди, которые изучали свою химию, или физику, или минералогию, или зоологию, или физиологию, и больше

ничего на свете; к науке прилагают они свое единственное знание из другой области — именно то, что еще от школьных лет держалось у них в памяти из катехизиса; и вот когда оба эти обрывка у них не совсем сходятся, тогда они начинают глумиться над религией и становятся пошлыми и плоскими материалистами². О существовании какого-то Платона и Аристотеля, какого-то Локка и особенно Канта они, пожалуй, и слышали некогда в школе, но не сочли этих людей достойными более близкого с ними знакомства, так как последние не возились ни с тигелем, ни с ретортою и не набивали обезьяньих чукол; и преспокойно вышвырнув за окно умственную работу двух тысячелетий, эти господа от собственных духовных щедрот горе-философствуют перед публикою — на основе катехизиса, с одной стороны, и тигеля и реторты или таблицы обезьяньих видов — с другой. Им следует безо всяких обиняков дать понять, что они — невежды, которым еще многому не мешает поучиться, покуда они приобретут себе право голоса. Вообще, всякий, кто с детски-наивным реализмом зря догматизирует о душе, о Боге, о начале Вселенной, об атомах и т. п., словно «Критика чистого разума» написана на Луне и ни один экземпляр ее не попал на Землю, — всякий такой человек принадлежит к толпе, и место ему в лакейской — пусть же в этой аудитории он и выкладывает свою мудрость³.

Другим обстоятельством, обуславливающим действительный прогресс философии, является неверие. Вопреки лицемерному замалчиванию истины и искусственным мерам для оживления западной

церкви оно все возрастает, потому что необходимо и неизменно идет рука об руку с неуклонным распространением опытных и исторических знаний всякого рода. Оно угрожает вместе с формой разрушить и дух, и смысл христианства (гораздо более глубокий, нежели оно само) и предоставить человечество *моральному* материализму, который еще опаснее вышеупомянутого материализма химического. И ничто в такой степени не играет на руку этому неверию, как обязательное тартюфство, которое в наши дни повсюду выступает с такой бессмысленной наглостью; его грубые апостолы, еще с подачкою на чай в руках, проповедуют столь елейно и в то же время столь назойливо, что их голоса проникают даже в ученые, издаваемые академиями и университетами, критические журналы и в физиологические и философские книги, где своей полной неуместностью они вредят делу самих проповедников, возбуждая у читателей одно только негодование⁴. Вот при таких обстоятельствах и отраднo видеть, что публика выказывает участие к философии.

Тем не менее я должен сообщить профессорам философии печальную весть. Их Каспар Гаузер* (по Доргуту), которого они в течение почти сорока лет так тщательно загораживали от света и воздуха и так крепко замуровывали, что ни один звук не мог выдать миру его существования, — их Каспар Гаузер убежал. Убежал и бегаёт по свету; некото-

* Каспар Гаузер (1812–1833) — таинственный найденыш, обнаруженный в 16-летнем возрасте в Нюрнберге, а до этого где-то в подвале росший без какого-либо воспитания и знания жизни.

рые подумывают даже, не принц ли он. Или говоря прозою: то, чего они боялись больше всего на свете и что поэтому на протяжении целого века человеческой жизни умели соединенными силами и редкой настойчивостью счастливо предотвращать, прибегая к такому глубокому замалчиванию, к такой стачке пренебрежения и утаивания, каких еще никогда и не было, это несчастье все-таки произошло: меня начали читать — и теперь уже читать не перестанут. *Legor et legar*: ничего не поделаешь. Да, скверно и в высшей степени неприятно; в этом есть что-то роковое, прямо беда. Это ли награда за столь верный союз излюбленного молчания? За столь прочное единомыслие и дружное поведение? Бедные надворные советники! Где же обещание Горация:

Est et fideli tuta silentio

*Merces?**

В “*fidele silentium*”, верном молчании, у них поистине недостатка не было; напротив, в нем-то и заключается их сила, и как только почуют они чьи-либо заслуги, они тотчас же хватаются за этот действительно тонкий прием: ведь о чем никто не знает, того все равно что и не существует. Что же касается “*merces*” (награды), то будет ли она для них совершенно “*tuta*” (обеспечена), это теперь как будто бы сомнительно — разве если толковать слово “*merces*” в *дурном* смысле, в смысле *кары*, —

* *Est et fideli tuta silentio merces* — «Есть и верным молчанию вознаграждение» — изречение поэта Симонида, которое часто повторял император Август (Гораций. «Римские оды», кн. III, ода 2 *в пер.* А. А. Фета).

что, конечно, находит себе оправдание и со стороны хороших классических авторитетов. Господа профессора совершенно правильно усмотрели, что единственное средство для борьбы с моими сочинениями — это сделать их тайной для публики, путем глубокого замалчивания и под громкий приветственный шум в честь рождения каждого из уродливых чад профессорской философии: так некогда корибанты громким шумом и кликом заглушили голос новорожденного Зевса. Но средство это исчерпано, и тайна разглашена: публика открыла меня. Злоба профессоров философии по этому поводу велика, но бессильна: после того как единственно-целесообразное и так долго с успехом применявшееся средство они исчерпали, никакое твяканье не в силах уже остановить моего влияния, и напрасно теперь они бросаются на меня то с одной, то с другой стороны. Правда, они добились того, что собственно-современное моей философии поколение сошло в могилу, ничего о ней не ведая. Но это было только отсрочкою: время, как и всегда, сдержало слово.

Оснований же, почему господам представителям «философского ремесла» (они сами в своей невероятной наивности так называют его⁵), почему им столь ненавистна моя философия, таких оснований два. Первое — то, что мои произведения портят вкус у публики, вкус к пустому сплетению фраз, к нагромождению ничего не говорящих слов, к пустой, плоской и медлительно терзающей болтовне, к церковной догматике, замаскированно одетой в покровы скучнейшей метафизики, к систематизированному, площадно-плоскому филистерству, которое должно

изображать собою этику и в виде приложений дает даже руководства к карточной игре и танцам, — словом, вкус ко всей этой методе бабьей философии, которая уже многих навсегда отпугнула от всякой философии вообще.

Второе основание — то, что представители «философского ремесла» безусловно не смеют дать дорогу моей философии, а потому не могут и обратиться ее на пользу «цеха», о чем они даже душевно сожалеют, так как мое богатство при их горькой нищете пришлось бы им как раз ко двору. Но моя философия во веки веков не заслужит милости в их глазах, хотя бы она и заключала в себе величайшие из когда-либо открытых сокровищ человеческой мудрости. Ибо в ней нет никакой спекулятивной теологии, ниже рациональной психологии, — а как раз они-то и составляют для этих господ воздух, которым они дышат, *conditio sine qua non** их существования. Пуще всего на свете любят они свои казенные оклады; а казенные оклады в Германии пуще всего на свете требуют спекулятивной теологии и рациональной психологии: *extra haec non datur salus*** . Теология поэтому должна быть и обязана быть; откуда хочешь, а вынь да положь ее; Моисей и пророки должны оказаться правыми: таков основной принцип философии; а при ней, по штату, должна состоять и рациональная психология. Между тем ничего подобного ни у *Канта*, ни у меня не найдешь. Об его критику всякой спекулятивной теологии, как

* Необходимое условие (*лат.*).

** Без этого благополучию не бывать (*лат.*).

известно, самые убедительные теологические аргументы разбиваются вдребезги, как стекло о стену, и под его руками не остается ни одного цельного лоскута от всей рациональной психологии! У меня же, как у смелого продолжателя его философии, ни теология, ни психология уж и совсем не является больше, что и последовательно, и честно⁶. Наоборот, задача профессорской философии, в сущности, в том и заключается, чтобы под оболочкой весьма отвлеченных, запутанных, трудных и оттого мучительно-скучных формул и фраз изложить основные истины протестантского катехизиса; поэтому в конце концов именно они и оказываются ядром всякой профессорской философии, как бы вычурна, запутанна, странна и причудлива ни казалась она на первый взгляд. Такой прием, быть может, и приносит свою пользу; но я не знаю ее. Я знаю только, что в философии, т. е. в искании истины, я хочу сказать — истины *κατ'ἐξοχήν*^{*}, под которою разумеются ответы на высшие, самые важные, самые дорогие и заветные для человеческого рода запросы, — в искании этой истины с помощью описанных приемов нельзя подвинуться ни на шаг вперед: напротив, истине тогда преграждается дорога, и вот почему я давно уже признал в университетской философии антагониста философии настоящей. И вот, если при таком положении вещей появится вдруг, с честными намерениями и вполне серьезная, только истины и ничего, кроме истины, не ищущая философия, — не должны ли господа представители «философского ремесла»

^{*} Зд.: самую главную (*др.-греч.*).